

Министерство образования и науки РФ
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Филологический факультет ТГУ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов I (XVI)
Международной конференции молодых ученых
(9—11 апреля 2015 г.)

Выпуск 16

Издательство Томского университета 2015

Эволюция нарратива В. Ф. Одоевского от «Пёстрых сказок» к «Городку в табакерке»

В статье рассмотрены первый цикл В. Ф. Одоевского и сказка из второго, сближенная с ним по принципу миропонимания. В них прослеживается эволюция философского нарратива, стиля повествования.

Ключевые слова: нарратор, сказка, Одоевский.

В. Ф. Одоевский — создатель одного из первых русских прозаических циклов, хронологически относящегося к 1830 годам. Одновременно с Пушкиным и Гоголем он ищет новые пути развития прозы, выявляя природу синтетизма, её философский потенциал. Книга «Пёстрые сказки» сближается с «Повестями Белкина» А. С. Пушкина и «Вечерами на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя не только потому, что все эти произведения при внешней самостоятельности отдельных повестей представляют собой единые книги, но и способом повествования. Нарратором в каждой из книг становится мистифицированный рассказчик. Но даже здесь Одоевский проявляет свою специфику, наделяя нарратора портретом, характерными особенностями, а также жизненной историей, а главное — наделяет его склонностью к философскому взгляду на мир, чего не было у великих современников. Это по существу первый в русской литературе философ-демократ. Он размывает границы текста, и Гомозейко из повествователя перемещается в «почти» план реальности. Он не только нарратор в сказках, имеющий свою речь, но и собиратель остальных сказок, отданных Одоевским в уста других героев.

Сам принцип собирания в единое целое становится значимым, так как это позволяет Одоевскому создать свой микромир внутри книги. Его многочисленные нарраторы выстраиваются в иерархию; каждая сказка изображает какую либо сторону этого мира, будь то гротескный мир в «Реторте», или мир, воображаемый ребёнком в «Игоше», или же мир сна в «Просто сказке». Возникает «пестрый» космос человеческой жизни. «Пёстрые сказки» включают в себя образцы философского гротеска, социально-нравоучительного рассказа, фольклорной, «бытовой», «психологической» фантастики¹. На страницах «Пестрых сказок» В. Ф. Одоевского явлено разнообразие нарраторов, их пестрота, так как все они очень необычные и так непохожие друг на друга существа. Повествование от лица иного, «демократического» нарратора позволяет Одоевскому всесторонне раскрыть различные области бытия, так как автор отгораживается от своей личности. Хотя полностью этого сделать автору не удаётся, так как он многие свои личные черты, а также фрагменты биографии «отдаёт» Иринею Модестовичу, о чём не раз говорилось в критической литературе.

Чем точно отличается книга Одоевского, так как это разнообразием нарраторов. В совсем небольших по объему текстах объединились нарраторы всех типов: здесь есть и эксплицитные и имплицитные. Важным свойством всех нарраторов, кроме Собирателя Ириней Модестовича, является даже не их антропоморфность, а, скорее, «сказкоморфность», так как из реальных людей действительности они превратились в сказки, стали частью книги, ее неотъемлемыми составляющими. В одной сказке могут объединяться по несколько нарраторов, которым принадлежат обширный высказывания.

Если эксплицитные нарраторы, как ярко явленные в тексте, сразу указывают на свое участие в организации текста (он является трудом их мыслительной деятельности), то имплицитные нарраторы представлены в тексте в нескольких аспектах: отбор элементов для истории, композиционное построение, конкретизация деталей и т.д. Важную роль в книге Одоевского играет «главный» нарратор — Ириней Модестович Гомозейко. Помимо полностью принадлежащих ему Предисловия и первой сказки «Реторта», он как нарратор включается и в «чужие» сказки (имеет пропущенные высказывания), а также именно он организует книгу как целое (располагает сказки в определенном порядке, выбирает для них названия и эпиграфы). Сказки приобретают свой истинный смысл именно благодаря комментариям и обобщениям Гомозейко, его организаторским способностям.

Помимо «Пестрых сказок» перу Одоевского принадлежит еще ряд сказок. Одна из них примыкает к книге по типу созданного в ней художественного мира. Сказка В. Ф. Одоевского «Городок в табакерке» — образец художественно-познавательной сказки. В ней научный материал подан в занимательной форме. Эта сказка представляет интерес ещё и потому, что создана спустя несколько лет после «Пёстрых сказок» и позволяет говорить о некоторой эволюции нарратива Одоевского. Как и прежде Одоевский создаёт отдельные сказки и после собирает их в единую книгу. Но теперь в «Сказках дедушки Ириней» нет той слитности отдельных частей, образ Ириней больше не пронизывает всю книгу, а, значит, изменяется принцип собирания сказок, теперь он внутренний и содержательный.

В «Городке в табакерке» повествование отдано имплицитному нарратору, а реплики поделены между героями. Сказка как будто разворачивается перед читателем. Такая форма позволяет читателю двигаться вместе с героем и одновременно с ним узнавать все тайны, скрытые в табакерке. Эта особенность делает сказку более занимательной, в ней, безусловно, есть всё тот же важный для Одоевского смысл, но он скрыт намного глубже, чем в «Пёстрых сказках». Склонность к «злободневности» найдет свое отражение во многих «Пестрых сказках», и, как говорит Турьян, именно поэтому они очень скоро после своего написания перестанут быть

интересными для читателя. Да даже современникам было в этих сказках понятно далеко не всё. «Мысли и верования» «замысловатого» автора и в самом деле оказались для русского читателя новы и непривычны и были предъявлены публике с дерзкой отвагой»². Совсем иначе воспримут читатели «Городок в табакерке».

От умозрительной философии автор-мыслитель переходит к истинно художественному «пластическому» повествованию, которому Одоевский когда-то хотел научиться у Пушкина.

Со стороны наррации эта сказка логично отдана в уста скрытого (имплицитного) нарратора, который может со стороны, объективно представить мир, увиденный все же глазами маленького мальчика Миши. Именно его взгляд отбирает из всего многообразия предметы, обращает внимание на закономерности нового для него мира. А городок в табакерке, тем самым, оказывается своеобразной микромоделью мира. Именно это качество — выявлять философию бытия, формировать концепцию человеческой жизни сближает эту сказку с «Пестрыми сказками».

Космогония Одоевского неразрывно связана с миромоделирующей ролью нарратора. Его нарратор неотделим от автора-философа. Он, помимо прочего, также наделён всесторонним интеллектуализмом, позволяющим смотреть на этот мир многосторонне. Их соотношение, внутренний диалог определяют философский потенциал прозы Одоевского. Именно сказка, которая, по словам одного из теоретиков романтизма Новалиса, «есть как бы канон поэзии»³, сказка «с красным словом» (как указано в номинации «Пестрых сказок») позволяла Одоевскому раскрыть возможности «философского потенциала» русской прозы.

Сказки Одоевского являются лабораторией, где он пробует все то, что будет развито в дальнейших произведениях, в частности в «Русских ночах» — это и тематические пробы, это и опыт философского нарратива, и усложненная система нарраторов.

Примечания

1. *Турьян М.А.* «Пёстрые сказки» Владимира Одоевского // *Одоевский В.Ф.* Пёстрые сказки. Издание подготовила М.А. Турьян. Серия «Литературные памятники». СПб., — 1996. — С. 131–132.
2. *Турьян М.А.* Сказки Ирины Модестовича Гомозейки. Примечания к факсимильному изданию. Книга, — 1991. — С. 16.
3. Литературная теория немецкого романтизма. С. 133. О сказке как органической составной романтической мифологии см.: *Arbor mundi: Мировое древо*. Вып. 3. М., — 1994. — С. 167.